

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2017.005>

Татьяна Кузнецова
(Uniwersytet Dyneburski, Łotwa)

**Социальное измерение
пространства: топонимы
в текстах Карлиса Улманиса
(30-е годы 20 века)**

Słowa kluczowe: przestrzeń; społeczny wymiar przestrzeni; historyczna pamięć; Karlis Ulmanis

Key words: space; social measurement of space; historical memory; Karlis Ulmanis

Любая человеческая общность формируется в определённой географической среде, не только подвергаясь её влиянию во всех сферах своей жизнедеятельности, но и осознавая её и себя в ней. Поэтому социальное измерение физического, обитаемого людьми и осознаваемого ими пространства, имеет как внешний, так и внутренний планы. Внешний включает в себя различными способами и средствами осуществляемое освоение той или иной территории, что находит выражение в застройке, создании инфраструктуры, видах хозяйствования, формах государственности. Внутренний же план подразумевает наличные и формируемые представления людей о пространстве, его структуре, «содержательной наполненности», функциях¹. При

¹ Немалое число работ посвящено пространственным представлениям. См., например, А. Я. Гуревич, *Категории средневековой культуры*, Москва 1999, с. 52–87;

этом у внутреннего плана социального измерения пространства есть две грани. Одна из них указывает на представление о соотношенности пространства и человека, вторая на значимость этих представлений в консолидации / дезинтеграции общества и государства. Формируемые, равно как и сформированные, представления о пространстве являются одним из компонентов не только исторического сознания², но и исторической памяти. Она всегда представляет собой ментальную конструкцию, в создании которой «участвует» широкий спектр текстов, различающихся по жанровой принадлежности, целевой и реальной аудитории и имеющих место быть в каналах устной и письменной коммуникации. Значимость формирования исторической памяти возрастает в периоды становления нации, образования государственности, социально-политических кризисов, когда именно она – историческая память – становится одним из важнейших идеологических средств консолидации общества в целом или отдельных его сегментов. Особой остротой проблема формирования исторической памяти обладала в Латвии, коренное население которой – латыши – не имело собственной государственности до провозглашения Латвийской Республики 18 ноября 1918 года³.

Об осознаваемой значимости исторической памяти в деле консолидации латышей свидетельствует, например, зафиксированные в воспоминаниях Адольфа Кливе сетования Карлиса Улманиса (лидера ведущей политической партии в парламентарной Латвии – Латышского Крестьянского союза, организатора государственного переворота 1934 года, президента страны с 1936 года), относящиеся к 1928 году и пробуждающие интерес к историческому прошлому латышей: «Нет ничего объединяющего народ, непреходящего, вечного. Нет ничего особенного, только для нас характерного. Нет ни прошлого, ни будущего... С образованием Латвии, латыш, со всеми для него характерными положительными качествами, как будто исчез в обществе и вместо него появился какой – то неопределенный «универсальный»

Дж. Райт, *Географические представления в эпоху крестовых походов*, Москва 1988.; А. В. Подосинов, *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*, Москва 1999. и др.

² См. М. А. Барг, *Эпохи и идеи: Становление историзма*, Москва 1987, . с. 6.

³ *Latvija 1918.-1928.: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem*, Rīga 1928, s. 25.

гражданин, у которого нет ни Латвийского неба над головой, ни Латвийской земли под ногами»⁴.

Существеннейшим средством формирования исторической памяти в Латвии 30-х годов XX века, причем прежде всего и главным образом латышей, стали публикуемые речи К. Улманиса. Должно заметить, что акт публикации речей, наделенных властными полномочиями, семантически неоднороден. Во-первых, речь дистанцирует говорящего от его аудитории и одновременно устанавливает специфическое общение с нею; во-вторых, утверждает мироустроительный смысл устного слова и потому представляет его автора в качестве демиурга; в-третьих, ситуативно-конкретное возводит в ранг надвременного, являясь, таким образом, способом преодоления времени. Кроме того, публикуемая речь, в частности, главы правительства (государства), актуализирует его личные прямые связи с аудиторией, тем самым умаляя публичный характер власти.

Из разнообразного корпуса опубликованных речей К. Улманиса⁵ для данной работы будет выбран сборник *Degsme/Горение*, состоящий из суждений, указаний, призывов и пожеланий К. Улманиса, собранных писателем Лигонисом (Екабс Розе). Он был опубликован в 1938 году тиражом в 15000 экземпляров и факсимильно переиздан в 1991 году. Данное обстоятельство, равно как и часто встречаемая в политическом дискурсе современной Латвии фразеология, заимствованная из речей К. Улманиса, побуждает обратить особое внимание именно на этот текст.

Обширный том, содержательная часть которого занимает 505 страниц, включает в себя выдержки как из статей, так и из речей К. Улманиса. Последних насчитывается 18, однако они обладают высокой, хотя и разной степенью востребованности, будучи «разорванными» и отнесенными к различным тематическим разделам книги (См. приложение 1).

В ряде современных работ дается характеристика содержания речей К. Улманиса, но при этом отсутствуют ссылки на первоисточники, а анализ речей ограничивается констатацией лежащих на поверх-

⁴ A. Klīve, *Latvijas neatkarības gadi*, Brooklyn 1976, s. 252

⁵ См. Т. Кузнецова, *Речи Карлиса Ульманиса как средство формирования культурной памяти (Латвия 1934–1940)*, [w:] *Acta Humanitarica Universitatis Saulensis. Mokslo darbai*, . 9., Šiauliai 2009, s. 88–91.

ности мотивов: физической силы, любви к земле, труду и др.⁶ Нас же будут интересовать представления о пространстве, сопряженном с человеком/людовой общностью, и в контексте проблемы консолидации молодого Латвийского государства, выраженные в указанном томе речений К. Улманиса.

Формируемые печатным словом⁷ представления о пространстве (в его социальном измерении) находят свое воплощение в топонимах, частности и контексте их употребления в том или ином тексте, в данном случае – в избранном для анализа сборнике высказываний К. Улманиса (*Degsme*). Его автор, по словам весьма плодовитого писателя и публициста А. Грина, «многие годы работая в теснейшей связи со всеми слоями, знает все сельские края Латвии». Как подчеркивает А. Грин «в нашей стране нет такого маленького города или местечка, в который хотя бы раз не ступала нога президента. Так же не ни одной волости, в которой он бы лично не знал десятков жителей, причем со всеми их способностями и как хорошими, так и плохими сторонами»⁸.

Однако, *Degsme* отличается редкостью употребления топонимов, отмечающих конкретные места. Они появляются лишь в качестве указаний на место встречи К. Улманиса с аудиторией, например, конференция учителей основных школ города Риги, состоявшаяся 12 ноября 1936⁹ года или выпускной акт воспитанников основной школы в Алуксне 29 мая 1938 года¹⁰, праздник айзсаргов в Мадоне 17 июня 1934 года¹¹, выпускной акт воспитанников берзмуйжской школы

⁶ См. например: J. Priedīte, *Kārļa Ulmaņa romantisks attiecību diskurss*, [w:] *Reiz dzīvoja Kārlis Ulmanis*, Rīga 2007, s. 119, 124. Отметим, что и в работах, посвященных авторитарной идеологии в Латвии в 30-ые годы XX века, не анализируются речи К. Улманиса. См. например: J. Butulis, *Ideoloģija un propaganda*, [w:] *15 maija Latvija*, Rīga 2017, s. 153–175.

⁷ Надо отметить, что сам К. Улманис вполне отдавал себе отчет в социально-созидательном потенциале слова, о чем свидетельствует его речь на собрании представителей прессы и ответственных государственных работников, прошедшем 9 апреля 1935 года, и фрагмент которой включен в сборник *Degsme*: «Дела, конечно, важнее того, что говорим, но иногда и слова оставляют след, там, где мы совсем и не предполагаем, не представляем; нам надо быть внимательными и в том отношении, что мы говорим». – К. Ulmaņis, *Degsme. Dr. Kārļa Ulmaņa atziņas, norādījumi, aicinājumi un vēlējumi. Faksimilizdevums*, Rīga 1991 (1938), s. 117.

⁸ A. Grīns, *Trīs gadsimti un trīs vadoni*, Rīga 1937, s. 91.

⁹ К. Ulmanis, *Degsme*, Rīga 1991, s. 301.

¹⁰ Ibidem, s. 275.

¹¹ Ibidem, s. 334.

(в ней учился К. Улманис) 7 июня 1935 года¹², праздник мазпулков в Лиепае 9 сентября 1934 года¹³, праздник урожая в Резекне 13 сентября 1936 года¹⁴, праздник крестьян в Эмбуте 23 июня 1934 года¹⁵, краевая выставка Сельскохозяйственного общества Ранки 16 июня 1934 года¹⁶, рижское отделения Крестьянского союза 18 ноября 1933 года¹⁷, лагерь мазпулков в Межотне 1 августа 1937 года¹⁸, Резекне 10 мая 1935 года¹⁹, годовщина Курземской дивизии в Лиепае 10 августа 1934 года²⁰ и т.д.

Наиболее часто упоминаются в извлечениях из речей К. Улманиса Берзмуйжа – 46 раз, Рига – 35 раз, Лиепая – 29 раз, Елгава – 23 раза, Плявиняс – 18. Относительная редкость топонимов в анализируемой книге на фоне частых посещений К. Улманисом городов и местечек Латвии, сопровождавшиеся неизменно речами, свидетельствуют о секундарном значении конкретного пространства, об определённом умалении значения локальных уз (горизонтальных) и о приоритетном значении уз вертикальных, должных быть между любым человеком, живущим на территории Латвии и К. Улманисом, предстающим Учителем жизни. Таким образом, именно вертикальные личные (реальные и иллюзорные, создаваемые публикуемыми текстами) связи становятся основой желаемого единства разнообразной по роду занятий и месту проживания людской общности (народа). К тому же, малая частотность упоминания топонимов в высказываниях К. Улманиса проявляет заметное отчуждение, слабую освоенность территории страны её жителями, что, пожалуй, было связано с такими обстоятельствами как – малая плотность населения Латвии – 29 человек на 1 кв. км, по данным 1935 года, неразвитая инфраструктура, отсутствие разветвлённой, хорошо обустроенной сети дорог. Как пишет Фрицис Адамович, общая протяженность дорог составляла 34000 км, из них в ведении государства находилось около половины. Шоссей-

¹² Ibidem, s. 337.

¹³ Ibidem, s. 321.

¹⁴ Ibidem, s. 202.

¹⁵ Ibidem, s. 283.

¹⁶ Ibidem, s. 270.

¹⁷ Ibidem, s. 241.

¹⁸ Ibidem, s. 267.

¹⁹ Ibidem, s. 251.

²⁰ Ibidem, s. 254.

ных и мощеных дорог было всего 1700 километров, 2,6 на 100 квадратных километров, тогда как во Франции 130 километров шоссе на 100 квадратных километров (в 56 раз больше)²¹. Неудовлетворительное состояние дорог, как подчеркивает автор, ограничивало использование автомобилей в перевозке пассажиров и товаров, особенно осенью и весной. Не лучше обстояло дело и с железнодорожным сообщением, ибо протяженность железнодорожных путей составляла 3000 километров, то есть 4,5 километров на 100 квадратных километров, (в 2–3 раза меньше, чем в западноевропейских государствах)²². Подобное состояние путей сообщения затрудняло передвижение людей по стране и тем самым знакомство с нею. Поэтому становятся понятны, например, призывы писателя, неутомимого публициста Яниса Лапиньша знакомиться с «прекрасной Латвией». «Использовали ли вы свое свободное время для того, чтобы объездить реки Латвии, хотя бы некоторые?»²³ – вопрошает он в очерке, который не один раз издавался в составе сборников, подготавливаемых Отделом учебных пособий Министерства образования и вручаемых в качестве «даров правительства» выпускникам разного уровня школ.

Нечастое употребление топонимов и однозначность контекста, в котором они появлялись в речах К. Улманиса, не формировали представления о качественном разнообразии мест, составляющих территорию молодого государства, и тем более представления о единстве страны на основе разнообразных её территориально-социальных единиц.

Введение топонимов в текст высказываний К. Улманиса только в связи с фиксацией ситуации, в которой прозвучала его речь, представляло страну в значительной мере обезличенной, являющейся лишь местом оплодотворяющей встречи вождя и населенной земли, и обнажало, тем самым, тенденцию унификации, выраженную в сфере идеологии.

Весьма откровенно эта тенденция сказалась в речах К. Улманиса, произнесенных в Карсаве и Балвах во время его посещения этих городов в августе 1934 года. К. Улманис озвучил имеющее место быть

²¹ F. Adamovičs, *Īss pārskats par Latvijas ģeogrāfiju (1936)*, [w:] *Latvieši: XX gadsimta 20.–30. gadu autoru rakstu krājums*, Rīga 2003, s. 18.

²² *Ibidem*, s. 23.

²³ J. Lapiņš, *Skaistā Latvija*, Rīga 1936, s. 135; A. Grīns un A. Zālītis, *Tēvzemei un brīvībai*, Rīga 1937, s. 434; см. также A. Brigadere, *Neizpētītā Latvija*, [w:] A. Zālītis, *Mana tēvu zeme*, Rīga 1937, s. 393.

стереотипные представления о Латгалии – одном из регионов Латвии: «Это земля за лесами, там мало что растет. Латгалия только много требует, у нее всяческие потребности, свои особенности, с которыми нам не справиться»²⁴, – и дал им решительный отпор. Он заявил, что «все сказанное до сих пор о темноте и особенностях Латгалии – неправда. Это чепуха»²⁵. Таким образом, отрицание особенностей и их коммуникативно-созидательного потенциала ориентировало аудиторию на преодоление качественного разнообразия при сохранении множественности частей, составляющих территориальное целое.

Другой уровень топонимов представляют названия регионов Латвии. В Конституции Латвийской Республики, принятой 15 января 1922 года записано, что «территорию Латвийского государства, границы которой определены международными договорами, составляют Видземе, Латгалия, Курземе и Землаге»²⁶ (См. приложение 2). Но отсутствие ранее (до 1795 года) территориально-административного единства, не достигнутого для территории Латвии и в составе России, ибо она оказалась разделенной между тремя губерниями – Курляндской, Лифляндской и Витебской, обострило проблему ментального освоения всего физического пространства молодого государства, формирования чувства и осознания его территориальной общности. Возможны два пути такого освоения. Один из них – уже выше названная унификация с игнорированием качественного разнообразия каждого региона, второй же заключается в допущении и поддержке качественного разнообразия их, что могло побудить и усилить взаимодействие и взаимообогащение этих регионов и их населения. Но для этого необходимо в сфере идеологии присутствие соответствующих топосов (топонимов) в ее информационном пространстве страны. Однако, незначительный удельный вес обозначений регионов Латвии характерен для такого компонента этого пространства как *Degsme*. Во фрагментах текстов Улманиса, приведенных в этой книге, Видземе упоминается 1 раз, Курземе – 3, Землаге – 1 и Латгалия – 10.

При этом более частое упоминание Латгалии, сравнительно с упоминанием других регионов Латвии, обнажает значительное отчужде-

²⁴ K. Ulmanis, *Sniegsim Latgalei roku*, [w:] idem, *Sabiedriskie raksti un runas*, II. seļ., Rīga 1935, s. 275–276.

²⁵ Ibidem.

²⁶ *Latvija 1918.–1928.: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem*, s. 82.

ние этой области страны, отстранение ее от остальной Латвии, что вытекает из контекста появления Латгалии в высказываниях К. Улманиса. Отметим, что о Латгалии он говорит, выступая только перед жителями городов этого региона, причем так же обстоит дело и с упоминанием других регионов. Подобный характер подачи информации о топосах в рассматриваемой книге не содействовал территориально-социальной консолидации Латвии. К. Улманис называет Латгалию «третьей звездой в венце нашего государства»²⁷, что предполагает иерархическую значимость областей страны и, в частности, меньшую – Латгалии. Кроме того, в речи К. Улманиса, произнесенной в Балвах 19 августа 1934 года, Латгалия характеризуется как юное, слабое, немощное создание, нуждающееся в поддержке старших сестер или братьев, как прозвучало в Даугавпилсе: «Латгалия – младшая, ей иногда старшие сестры должны руку подать»²⁸ или «подтянем к себе ближе младшего брата – Латгалии, у которого ноги еще не крепки, чтобы он достиг нас»²⁹. Такое представление о Латгалии едва ли укрепляло эмоционально-ментальную общность Латвии, скорее провоцировало определенное подозрение у «старших сестер», известную закомплексованность жителей Латгалии, и в конечном итоге, закрепляло сегментацию страны. Кроме того, патриархализация политических отношений проявляет тенденцию архаизации политической жизни, которая могла ослабить жизнеспособность молодого государства.

Упоминание же других регионов Латвии – Курземе, Земгале – связаны с событиями, т. е. борьбой, которая «дала нашу самостоятельность и нашу независимость – самое наше государство – Латвию»³⁰. Таким образом, событийная наполненность этих областей страны, должная повысить самосознание и чувство гордости за эту землю ее жителей, отличает эти регионы от Латгалии, событийная сторона жизни которой К. Улманисом в анализируемых текстах игнорируется.

Редкость упоминания топонимов регионального уровня в текстах К. Улманиса создавала представление о качественно однородном, административно едином пространстве, что отразилось в частотном употреблении такого обозначения как Латвия. Латвия в речениях

²⁷ К. Ulmanis, *Degsme*, s. 166.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem, s. 167.

³⁰ Ibidem, s. 176, 289.

К. Улманиса, собранных в *Degsme*, упоминается 350 раз. На всепоглощающее значение Латвии указывает широкий контекст, в который погружено понятие «Латвия». Так, например, в речи, произнесенной 18 ноября 1934 года, К. Улманис сказал и (это первое предложение, т.е. наиболее значимая часть текста): «18 ноября 1918 года было провозглашено государство независимой Латвии»³¹. Таким образом, Латвия манифестируется как феномен вечный, существовавший до государствообразования. Очевидно при этом умаление политико-государственного измерения (имеется ввиду государство как совокупность политических институтов) Латвии, которая предстает, прежде всего, землей/территорией, нуждающейся в собственных господах, а также объектом любви, служения и, наконец, идеи, горящей в сердце. Латвия в высказываниях К. Улманиса, утверждается как достояние людской общности (Нас), на что указывает частотность формулы «наша Латвия»³², и в то же время как надындивидуальное начало, вбирающее в себя каждого. Так, на Празднике крестьян 21 июля 1931 года К. Улманис зачитал своеобразную клятву: «я, латышский крестьянин, обещаю, что как до сих пор, так и в будущем, мои мысли, мой труд, вся моя сила и весь я сам во все дни буду принадлежать моей родине и отечеству, нашему государству – Латвии»³³. Этому заклинанию вторит и сказанное 15 мая 1938 года: «Мы принадлежим Латвии, и нас вместе держит Латвии святое имя»³⁴.

Проповедуемая (и укоренившаяся в словоупотреблении в современной Латвии) принадлежность Латвии формирует представление о человеке как существе ничтожном в качестве личности/индивидуальности и обретающем значимость лишь в качестве органической составляющей части некоего целого, возвышающего над индивидуальным «я». Подобная фразеология, закладывает в подсознание аудитории идею овеществления человека, который позиционируется как бессильный в социальном плане, т. е. малоспособный самостоятельно выстраивать свои отношения с людьми, самостоятельно определять цель и смысл своей жизни. В речениях К. Улманиса такие цель

³¹ Ibidem, s. 186.

³² Ibidem, s. 61.

³³ Ibidem, s. 77.

³⁴ Ibidem, s. 164.

и смысл индивидуальной жизни даны: «у нас у всех одно направление, одна главная задача – Латвия»³⁵.

О придании Латвии надындивидуального статуса и одновременно ее персонализации говорит и требование любви к Латвии³⁶, выполнения долга перед ней³⁷, самопожертвования ради нее: «Кто хоть раз стоял под знаменем Латвии, – говорил К. Улманис в Центральном латвийском сельскохозяйственном обществе 2 ноября 1933 года, – тот на всю жизнь, на жизнь и смерть дал клятву отдать себя Латвии»³⁸.

Абсолютизация Латвии как наивысшей ценности, определяющей смысл человеческой жизни, вела к манифестации ее как идеи, как эмоционального состояния человека. Так, во фрагменте текста К. Улманиса, сказано: «Латвия не является и не смеет быть для ее граждан только понятием места. Имя Латвии и идея Латвии должны гореть в наших сердцах жарким и ясным пламенем»³⁹. Заметим, что при этом не отрицается тождественность Латвии «месту» – территории, на что указывает в приведённой цитате слово «только». Причем этническая наполненность этой территории придает ей определённые качества, должны являться во всех сферах жизни людей. Так, выступая в Центральном латвийском сельскохозяйственном обществе 2 ноября 1933 года, К. Улманис призвал: «Сделаем Латвию опять латышской, сделаем ее землей латышей, в которой латышское выражается везде, на все влияет, всюду заметно: в повседневной жизни, в школе, в церкви, в искусстве, в писательстве, в политике, в хозяйстве. Пусть латыш прежде всего станет латышом внутри, духовно, в своем сознании, в силе, тогда Латвия действительно будет для латышей»⁴⁰.

Декларируемое совпадение территориального, государственного, понимаемого вне системы политических институтов, и социального как этнической общности формировало психологию гетто с её закрытостью и одновременно исключительностью. Она была призвана обеспечить самостоятельность и самобытность латышей и их властвующую

³⁵ К. Ulmanis, *Degsme*, s. 165, 448–449.

³⁶ *Ibidem*, s. 351.

³⁷ *Ibidem*, s. 155.

³⁸ *Ibidem*, s. 165.

³⁹ *Ibidem*, s. 433, 426.

⁴⁰ *Ibidem*, s. 240, 268.

щее положение в латышской Латвии⁴¹, что сопрягалось с игнорированием других, вообще не упоминаемых на страницах *Degsme*, хотя и реально присутствующих в составе населения Латвийского государства (см. приложение 3). Высокая значимость территориального начала в представлении о Латвии⁴² сказалось и в весьма частотном употреблении слова «zeme/земля», обозначающего как объект приложения физических действий человека, так и населенную страну. В анализируемой книге «земля» упоминается 211 раз, но к этому числу следует добавить устойчивые формулы «наша земля», встречающуюся на страницах *Degsme* 80 раз, «своя земля», упомянутую 20 раз, «земля отцов» (35 упоминаний), «отечество/tēvzeme» (51 упоминаний), а так же отчизна/tēvija (55 упоминаний). Частотность подобных пространственных обозначений подчеркивает социальную окрашенность пространства, которое или принадлежит человеку, или наполнено людьми, связанными реальными и иллюзорными кровнородственными узами. Заметим, что столь любимое К. Улманисом слово «отечество», предпочитаемое им понятию «родина» имплицитно содержит насыщенное теплым чувством воспоминание о предках, вводимых таким образом в мир живых, и тем самым устанавливает органическую связь прошлого с настоящим, выявляя непрерывную длительность времени. При этом акцентирование «нас» как людской общности, открытой в диахронии, в известной степени умаляет индивидуальное «я» человека, поглощаемого этой общностью мертвых и живых. В то время как слово «родина» (упоминается в *Degsme* 17 раз) указывает на более короткую временную протяжённость, ограниченную жизнью человека, живущего здесь и сейчас. Поэтому в определении «родина» более выпукло выражено индивидуальное начало, тогда как в понятии «отечество» социальное (коллективное).

Предпочтение, отдаваемое К. Улманисом обозначению территории Латвийского государства, являлось следованием сознательно актуализируемой в 30-ые годы XX века традиции, заложенной младолатышом Атисом Кронвалдсом, чей очерк *Tēvzemes mīlestība/Любовь к отечеству* неоднократно публиковался в составе «даров правительства» выпускникам основных, средних и профессиональных школ

⁴¹ Ibidem, s. 285.

⁴² См. об этом: Т. Кузнецова, *1918 год в юбилейных изданиях Латвии (1918–1940)*, [w:] *Россия и Балтия*, Москва 2008, s. 219–220.

в 1937–1938 годах, причем весьма значительными для Латвии тиражами⁴³. Отметим, что так же, как и в очерке А. Кронвалдса, в речениях К. Улманиса отечество персонализируется, поскольку предписывается любовь, служение, вера, верность в отношении к нему⁴⁴. Однако, установки, оправданные и значимые во второй половине XIX века, когда происходила духовная консолидация латышей и формировалось их национальное самосознание, в условиях уже существующего Латвийского государства, не являлись в полной мере соответствующими новым жизненным обстоятельствам и в силу этого приобретали анахронический характер, что свидетельствует о недостигнутом балансе между ретроспективным и перспективным началами в идеологическом воздействии К. Улманиса на аудиторию.

Еще один уровень появления топонимов в текстах К. Улманиса – это обозначения конкретных мест, связанных с определёнными событиями, при этом употребляемые топонимы предстают эмблемами⁴⁵, поскольку подаются они как указатели на некие качества определённой людской общности (латышей). В связи с этим они отличаются неизменной формулировкой, а событийное содержание названных топонимов оказывается размытым, выхолощенным. Так, ряд топонимов, увязанных в единую цепочку, упоминается в связи с военными подвигами латышей – боями за свободу, но сами события, люди и действия, время их, не конкретизируются. Поэтому такое введение топонимов в тексты превращает обозначаемые ими топонимы в «общие места памяти», функциональное предназначение которых – вызывать определённую эмоциональную реакцию у людей и тем содействовать формированию коммунитас⁴⁶, то есть эмоционально-скрепленной и базирующейся на реальных и иллюзорных, личных, причем вертикальных, связях большой человеческой общности.

К таким устойчивым топонимическим рядам относятся Тирельские болота, берега Венты, Цесис, иногда добавляются в данный перечень и латгальские озера. Эти топонимы утверждались как вдох-

⁴³ См. например: А. Grīns un A. Zālītis, *Tēvzemei un brīvībai* – 15590 экземпляров.

⁴⁴ См. например: К. Ulmanis, *Degsme*, s. 404, 405, 418, 432, 191, 144, 64 и т.д.

⁴⁵ «Эмблема – это знак, выражающий идентичность индивида или группы индивидов: имя, герб, иконографический атрибут являются эмблемами.» – М. Пастуро, *Символическая история европейского средневековья*, Санкт-Петербург 2012, s. 9.

⁴⁶ В. Тэрнер, *Символ и ритуал*, Москва 1983, s. 170.

новляющее свидетельство некогда бывших и потому должных быть единства и веры в Латвию. Так, в правительственном манифесте 16 мая 1934 года К. Улманис заявил: «16 лет назад мы почти голыми руками завоевали Латвийское государство, идя в бой с горячей верой и несокрушимой уверенностью: мы были едины в Тирельском болоте, у берегов Венты, в Цесисских боях»⁴⁷, а 18 ноября того же года он, выступая на радио, нюансировал контекст топонимического ряда, призвав: «Позволим снова гореть в наших сердцах старой вере в Латвию, той вере, которая все эти годы делала нас сильными [...] – этой старой вере в Латвию, которая зажглась в дни боев в Тирельских болотах, на берегах Венты, в сражении на Цесисских низинах и на берегах Латгальских озер!»⁴⁸. Эта устойчивая цепочка топонимов неоднократно репродуцировалась и в различных изданиях⁴⁹, причем ориентированных на молодежную аудиторию, что лишний раз подтверждает значимость текстов К. Улманиса в формировании исторической памяти латышей.

Таким образом, проведенный анализ пространственных обозначений в высказываниях К. Улманиса, уже его современниками превращаемого в символическую фигуру, обнаруживает, во-первых, топографическую обедненность формируемой его текстами исторической памяти; во-вторых, неравноценность топосов – областей городов, местечек – составляющих территорию Латвийского государства; в-третьих, «выстраивание» общества по вертикали, соединяющем индивида (латыша-крестьянина) с высшей, абсолютной, детерминирующей его силой – Латвии, и отечеством, вождем, который, по словам латышского писателя и публициста Альфонса Франциса, является «хозяином единого народа»⁵⁰. И в-четвертых, умаление значимости индивидуального человеческого «я», лишения необходимости и возможности самостоятельного смысла и целеполагания в своей жизни.

Подобное внушаемое восприятие пространства в его социальном измерении было способно затруднить консолидацию молодого госу-

⁴⁷ К. Ulmanis, *Degsme*, s. 243.

⁴⁸ *Ibidem*, s. 39, 258.

⁴⁹ См. например: К. Ulmanis, *Pastāvēt mūžīgi!*, [w:]: *Brīvības pieminekļa Gada Grāmata. 1935, Rīga 1935*, s. 69; idem, *Pateicība un sirds solījums*, [w:]: *K. Ulmanis jaunatnei: Rakstu izlase un izvilkumi pamatskolai J. Lapiņa sakopojumā*, Rīga 1938, s. 43.

⁵⁰ A. Francis, *Dr. Kārļa dzīve un darbi*, [w:]: A. Zālītis, *Tev mūžam dzīvot*, Rīga 1937, s. 92.

дарства, усугубить сегментацию общества, препятствуя формированию у всего населения страны чувства и осознания территориально-социальной общности.

Приложение 1

Цитируемость речей Карлиса Улманиса в книге *Degsmē/Горение* (1938)

№	Название речи	Кол-во цитат
1.	Bērzmuižas skolas audzēkņu izlaiduma aktā 1935. g. 7. jūnijā/На выпускном акте воспитанников Берзмуйжской школы 7 июня 1935 г.	34
2.	Pļaviņu ģimnāzijas audzēkņu izlaiduma aktā 1936. g. 18. jūnijā/На выпускном акте воспитанников Плявиньской гимназии 18 июня 1936 г.	22
3.	Radio runa 1934. g. 18. maijā/ Радиоречь 18 мая 1934 г.	20
4.	Mazpulku nometnē Mežotnē 1937. g. 1. augustā/В лагере мазпулков в Межотне 1 августа 1937 г.	20
5.	Jelgavā 1934 g. 21. novembrī/В Елгаве 21 ноября 1934 г.	20
6.	Bērnu svētkos 1936. g. 21. maijā/На празднике детей 21 мая 1936 г.	18
7.	Radio runa 1935. g. 21. maijā/Радио речь 21 мая 1935 г.	17
8.	Pļaujas svētki Koknesē 1935. g. 13. oktobrī/На празднике урожая в Кокнесе 13 октября 1935 г.	16
9.	Rīgas pilsētas pamatskolu skolotāju konferencē 1936. g. 12. novembrī/На конференции учителей основной школы города Риги 12 ноября 1936 г.	15
10.	Lauksaimnieku nedēļā 1935 g. 1. martā/Во время недели сельских хозяев 1 марта 1935 г.	14
11.	Kabiles skolā 1936.g. 3. jūnijā./ В Кабильской школе 3 июня 1936 г.	14
12.	Mazpulku nometnē Dobelē 1936. g. 12. jūnijā/В лагере мазпулков в Добеле 12 июня 1936 г.	14
13.	Vēstures skolotājuursos 1934. g. 13. augustā/На курсах учителей истории 13 августа 1934 г.	14
14.	Pamatskolu audzēkņu izlaiduma aktā Alūksnē 1938. g. 29. maijā/На выпускном акте воспитанников Алуксенской основной школы 29 мая 1938 г.	14
15.	Bērzmuižā 60 g. dzimšanas dienas piemiņas dienā 1937. g. 12. septembrī/ В Берзмуйже в честь 60-летия со дня рождения 12 сентября 1937 года.	14
16.	Aizsargu svētkos Madonā 1934. g. 17. jūnijā/На празднике айзсаргов в Мадоне 17 июня 1934 г.	12
17.	Rēzeknē 1935. g. 30. maijā/В Резекне 30 мая 1935 г.	11
18.	Pagasta vecāko sanāksmē 1934. g. 17. decembrī/ На собрании волостных старейшин 17 декабря 1934 г.	10

Рис. 1. Цитируемость речей Карлиса Улманиса в книгу *Degsmē/Горение* (1938)

Рис. 2. Карта Латвии 1939 года

Таб. 1. Национальный состав населения и его региональное распределение в Латвии 1935 году

	Рига	Видземе	Курземе	Земгале	Латгалия	Латвия	%
Латыши	242,731	381,190	253,096	247,844	347,751	1,472,612	75,5
Немцы	38,523	4,624	12,786	5,316	892	62,144	3,2
Русские	28,346	6,694	3,306	14,177	153,976	206,499	10,6
Белорусы	4,676	2,318	1,318	4,636	13,919	26,867	1,4
Евреи	43,672	2,458	12,012	7,363	27,974	93,476	4,8
Поляки	15,774	2,951	3,7005	6,985	19,534	48,949	2,5
Эстонцы	2,211	3,823	359	164	457	7,014	0,4
Лейши	5,788	966	3,702	11,532	925	22,913	1,2
Остальные	2,834	1,135	2,333	1,266	1,378	8,946	0,4
Неизвестные	508	88	89	86	358	1,129	0,0

Streszczenie

Społeczny wymiar przestrzeni: toponimy w tekstach Karlisa Ulmanisa (lata 30. XX wieku)

W artykule na podstawie analizy toponimów w rozprawie *Degsme* autorstwa K. Ulmanisa, szefa rządu i głowy państwa łotewskiego w latach 30. XX w. – rozpatrywane jest pojęcie przestrzeni w jej wymiarze socjalnym. Dzięki liderowi politycznemu państwa łotewskiego przestrzeń stała się jednym z elementów pamięci historycznej narodu łotewskiego. Wykonana analiza znaków przestrzeni w wypowiedzeniach K. Ulmanisa wskazuje na: wyjąłowanie topograficzne pamięci historycznej, ukształtowanej w tekstach polityka; różnowartościowość elementów przestrzennych (toposów) – obwodów, miast, miasteczek, kształtujących teren państwa łotewskiego; hierarchiczną budowę społeczeństwa, zgodnie z którą *individuum* (Łotysz – chłop) jest zawsze połączone z wyższą, absolutną, determinującą go siłą (Łotwa, Ojczyzna, Wódz); zmniejszenie wartości indywidualnego „ja”, które jest pozbawione podstawowego sensu oraz życiowego celu.

Summary

Social dimension of space: toponyms in the texts of Karlis Ulmanis (30s of the 20th century)

The paper, basing on the analysis of toponyms in the book *Degsme* by K. Ulmanis – Head of the Government and the State of Latvia in the 1930s, reveals the opinions concerning the space in its social dimension, which has been built by the political leader of the state in the historical memory of Latvians. The analysis of the spatial designations in Ulmanis' utterances reveals: first, the topographic scarceness in the historical memory formed by his texts; second, the inequality of the topoi – districts, towns, villages making up the territory of the state of Latvia; third, vertical “building” of the society linking an individual (Latvian – peasant) with the highest, absolute determining power – Latvia, the fatherland, and the leader; fourth, the devaluation of the individual human “self” deprived of necessity and possibility of independent goal-setting and self-determination.

Библиография

Ulmaņis K., *Degsme. Dr. Kārļa Ulmaņa atziņas, norādījumi, aicinājumi un vēlējumi. Faksimilizdevums*, Rīga 1991 (1938).

- Ulmanis K., *Pastāvēt mūžīgi!*, [w:] *Brīvības pieminekļa Gada Grāmata*, Rīga 1935.
- Ulmanis K., *Pateicība un sirds solījums*, [w:] *Kārlis Ulmanis jaunatnei: Rakstu izlase un izvilumi pamatskolai. J. Lapiņa sakopojumā*, Rīga 1938, s. 43–44.
- Ulmanis K., *Sniegsim Latgalei roku*, [w:] K. Ulmanis, *Sabiedriskie raksti un runas*, II. Sej, Rīga 1935.
- Adamovičs F., *Īss pārskats par Latvijas ģeogrāfiju (1936)* [w:] *Latvieši: XX gadsimta 20.–30. gadu autoru rakstu krājums*, Rīga 2003.
- Brigade A., *Neizpētītā Latvija*, [w:] A. Zālītis, *Mana tēvu zeme*, Rīga 1937.
- Butulis J., *Ideoloģija un propaganda*, [w:] *15. maija Latvija*, Rīga 2017, s. 153–175.
- Francis A., *Dr. Kārļa dzīve un darbi*, [w:] A. Zālītis, *Tev mūžam dzīvot*, Latvija, Rīga 1937, s. 43–108. Grīns A., *Trīs gadsimti un trīs vadoņi*, Rīga 1937.
- Klīve A., *Latvijas neatkarības gadi*, Brooklyn 1976.
- Lapiņš J., *Skaistā Latvija*. Grām.: Grīns A. un. Zālītis A. Tēvzemei un brīvībai, Rīga 1937, 431–438.
- Latvija 1918–1928.: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem*, Rīga 1928.
- Priedīte J., *Kārļa Ulmaņa romantisks attiecību diskurss*, [w:] *Reiz dzīvoja Kārlis Ulmanis*, Rīga 2007.
- Барг М. А., *Эпохи и идеи: Становление историзма*, Москва 1987.
- Гуревич А. Я., *Категории средневековой культуры*, Москва 1984.
- Кузнецова Т., *Речи Карлиса Ульманиса как средство формирования культурной памяти (Латвия 1934–1940)*, [w:] *Acta Humanitarica Universitatis Saulensis. Mokslo darbai*, t.9, Šiauliai 2009.
- Кузнецова Т., *1918 год в юбилейных изданиях Латвии (1918–1940)*, [w:] *Россия и Балтия*, Москва 2008.
- Пастуро М., *Символическая история европейского средневековья*, Санкт-Петербург 2012.
- Подосинов А. В., *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*, Москва 1999.
- Райт Дж., *Географические представления в эпоху крестовых походов*, Москва 1988.
- Тэрнер В., *Символ и ритуал*, Москва 1983.